

№ 64.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
1915 г.

XVI, 49581, 107
1-й энз.
ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.
ПЕТРОГРАДЪ.
НОЯБРЬ.

Германскій милитаризмъ. Символическая картина Дизонъ.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей России:
 на годъ . . . 4 р. — и.
 на годъ 2
 . . . 1 мѣс. — . 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятные рукописи
 не возвращаются

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Тарифъ объявлений:
 За строку непла-
 рали въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. такета . 90 к.
 позади . . . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашению.

№ 64—1915 г. Главная контора журнала: Петербургъ, 7-я Рождественская, 30. Ноябрь.

БЕРЕЗА.

Съ тихимъ шумомъ листья опадаютъ.
 Старчески ютятся подь плетень —
 Ничего они не ожидаютъ
 Въ этотъ чахлый, въ этотъ блѣдный день.
 Въ желтыя, печальныя могилы
 Тщетно капли падаютъ росы —
 Не вернуть изжитой ткани силы,
 Не вернуть развѣянной красоты.
 На бугръ береза лишь маячить.
 Приколола сбрую вуаль
 И осенними слезами тихо плачетъ,
 Грустная... больная... ей не жаль,
 Что въ вѣтвяхъ не стало аромата
 И кора отъ пуль расщеплена —
 Больно ей, что юнаго солдата
 Отъ враговъ скрыть не могла она —
 Онъ упалъ съ вѣтвей, какъ въ полдень птица,
 Къ стынущимъ, не грѣющимъ корнямъ,
 Не успѣвъ, быть можетъ, помолиться
 Ни любви, ни мертвымъ лѣтнимъ днямъ!..

Сергѣй Михѣевъ.

ВЪ ЛѢСАХЪ ПОЛѢСЬЯ.

Разсказъ Льва Гумилевскаго.

Лейтенантъ фонъ-Трауригъ, высокій, худой, слегка сутуловатый офицеръ, съ некрасивымъ, прыщеватымъ лицомъ, велъ свою роту по едва проходимой чащѣ лѣса, намѣреваясь обойти русскій полкъ, атаковавшій нѣмецкiя позиціи.

Было уже позднее утро, но въ густомъ лѣсу, какъ будто бы еще только свѣтало. Осторожно пробираясь по узкой, едва замѣтной тропинкѣ, солдаты шли молча, стараясь не шумѣть, почтительно пропуская впередъ лейтенанта. Онъ то и дѣло останавливался, осматривая солдатъ, и иногда ждалъ, чтобы они прошли всѣ передъ нимъ, постоянно покрикивая, то и дѣло хватаясь за ременный хлыстъ, висѣвшій у него на рукѣ.

— Лучшій способъ сдѣлать солдата храбрымъ и послушнымъ, — часто говорилъ онъ, указывая на хлыстъ.

Въ концѣ прошедшей передъ нимъ роты шелъ маленький, худой солдатъ въ неуклюжихъ сапогахъ, въ широкой шинели, совсѣмъ придавленный тяжестью вин-

товки и сумки, и какъ будто прижатый своей нахлобученной каской.

Фонъ-Трауригу не нравился этотъ солдатъ.

— Гей, Крацеръ, что у тебя за видъ, — крикнулъ онъ ему, — какъ ты идешь... Отстать хочешь, скотина?!

Крацеръ шелъ медленно, прихрамывая, едва волоча ноги по грязной, затоптанной дорогѣ. Онъ вспыхнулъ и взглянулъ на офицера.

— Тругъ сапоги, господинъ лейтенантъ... Трудно идти!

— Молчать! — рявкнулъ офицеръ и солено стегнулъ хлыстомъ солдата по обнаженной шеѣ, такъ что тотъ покачнулся, но промолчалъ и быстрѣе пошелъ впередъ.

Лейтенантъ обогналъ его и пошелъ впереди. У Крацера на глазахъ выступили слезы и въ головѣ мелькнула острая, яркая мысль:

— Подожди... Первая пуля въ тебя, — и онъ инстинктивно сжалъ винтовку холодными, красными руками.

Фонъ-Трауригъ обошелъ роту и пошелъ впереди, стараясь не сбиться съ незнакомой дороги. Вдругъ спереди донесся несомнѣнно приближающійся шумъ. Фонъ-Трауригъ остановилъ роту и сталъ ждать, стараясь угадать, что бы это могло быть, и распорядившись на всякій случай приготовить винтовки.

Ждать пришлось не долго. Штукъ съ сорокъ громадныхъ зубровъ, распуганныхъ изъ Бѣловѣжской пуши, быстро шли прямо на солдатъ.

Фонъ-Трауригъ облегченно вздохнулъ.

— Съ этими справимся... Ребята, пли...

Онъ самъ выстрѣлилъ первымъ, намѣреваясь выстрѣлами распугать стадо невиданныхъ звѣрей, но жестоко ошибся. На одно мгновеніе зубры опѣшили, но потомъ дружно бросились на врага, быстро свирѣпѣя, шагая черезъ убитаго лейтенантомъ вожака, раздражаясь запахомъ крови и сопротивленіемъ врага.

Стрѣлять было уже невозможно. Солдаты терялись и начинали отступать, стараясь спрятаться за деревьями, укрыться отъ разъяренныхъ чудовищъ съ всклокоченной шерстью, налитыми кровью глазами.

Видъ ихъ былъ, дѣйствительно, ужасенъ.

— Ребята, въ штыки, — крикнулъ лейтенантъ и, думая предупредить отступление заднихъ рядовъ солдатъ, самъ кинулся туда, размахивая шпагой, стараясь ободрить и удержать солдатъ.

Но штыки легко вонзались въ шкуры животныхъ и оставались въ нихъ. Зубры ломали винтовки, мяли людей, готовились уничтожить всю роту.

И, едва уже сопротивляясь, вслѣдъ за послѣдними рядами, начали отступать солдаты, оставляя позади себя смятыхъ и искалѣченныхъ товарищей, умиравшихъ

подъ копытами свирѣпыхъ звѣрей. Лейтенантъ еще нѣсколько разъ пытался крикнуть, остановить, но ничего не могъ сдѣлать и отступалъ съ горсткой солдатъ, которыхъ зубры быстро гнали въ глубь лѣса къ болотной трясинѣ которую передъ тѣмъ только такъ осторожно обошелъ лейтенантъ.

Отступая, фонъ-Трауригъ уже чувствовалъ, какъ постепенно вязнетъ нога. Но выбора не было. Зубры окружили его тѣснымъ кольцомъ и, казалось, умышленно загоняли его именно сюда.

И вдругъ они остановились, вѣрно почувствовавъ дальше трясину. Фонъ-Трауригъ облегченно вздохнулъ и осмотрѣлся. Изъ солдатъ, кажется, никого не было близко: всѣ успѣли скрыться въ лѣсу.

Лейтенантъ злобно сжалъ кулаки и пошелъ впередъ: сзади терпѣливо ждали его зубры и еще доносилось злобное похрапыванье ихъ, копытъ.

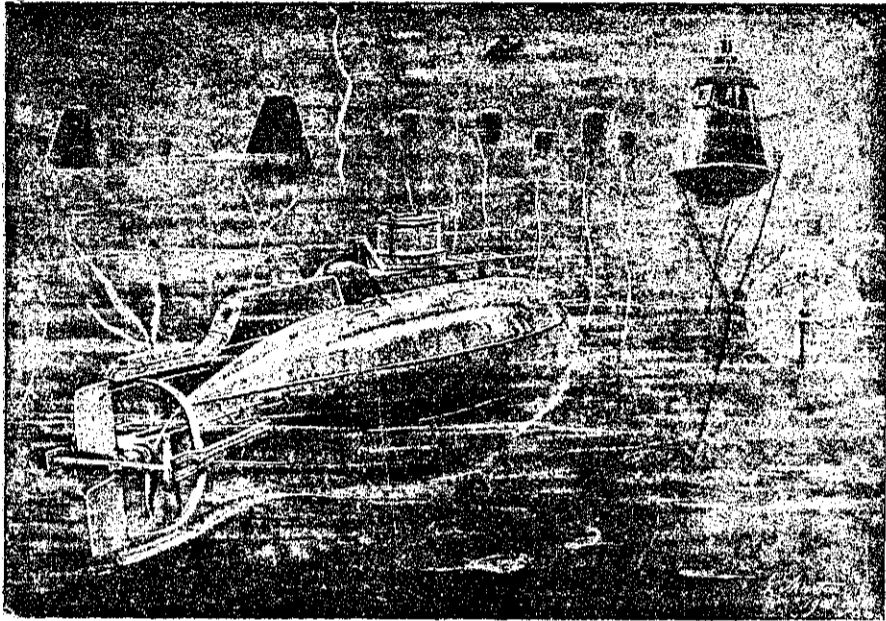
А ноги самого лейтенанта вязли все глубже и глубже.

Онъ мѣнялъ направленія, старался итти быстро и легко, и все-таки вязъ все глубже и глубже. Ужасная мысль, остро, какъ ножъ, прорѣзала его мозгъ, и сердце сжалось тоскою и болью.

Хриплые крики проклятья вырывались у него.

Онъ уже напрягалъ послѣднія усилія, когда увидѣлъ за три-четыре сажени впереди отчетливо видный берегъ, сухой и высокій, передъ которымъ шла зеленая полоса травы. Лейтенантъ бросился туда со вздохомъ облегченія.

Но едва лишь ступилъ онъ на зеленую грядъ об-

Подводная лодка среди минъ загражденія.

манчивой травы, какъ вдругъ опустился до пояса въ мягкую, жидкую грязь, противно и прочно сдавившую его ноги.

Чѣмъ больше онъ карабкался оттуда, тѣмъ глубже утопалъ, махая руками, цѣпляясь за эту же бездонную топь, губившую его. У лейтенанта съ страшною болью шевелились корни волосъ на головѣ отъ тоски и ужаса. Судорожными гримасами ужаса искажалось его лицо, и нечеловѣческіе стоны съ хрипомъ вырывались изъ горла, отъ напряженія уже точившаго кровью.

Въ мутившемся мозгу еще тлѣла искра надежды:

— Кто-нибудь пройдетъ... Бросить веревку съ берега... сучекъ...

И лейтенантъ, стараясь съэкономить силы, стараясь задержаться какъ можно дольше на поверхности, стоналъ и звалъ на помощь:

— Помогите... Помогите...

Грязь доходила уже до плечъ, сдавливая грудь, душа густымъ запахомъ гнили и грязи.

Кто-то Невѣдомый и Всемогущій направилъ шаги Крацера, блуждавшаго по лѣсу, на крики и стоны лейтенанта. И когда Крацеръ дошелъ до берега, онъ сразу не узналъ своего офицера: до того было искажено ужасомъ и страданіемъ его лицо. Но лейтенантъ узналъ его: къ нему быстро вернулось хладнокровіе, и онъ крикнулъ:

— Эй, Крацеръ... брось сюда сучекъ, или хоть винтовку... Скорѣе, я не могу выбраться...

Крацеръ подошелъ совсѣмъ близко къ берегу и сѣлъ:

— Это вы, лейтенантъ... И вы думаете, я помогу вамъ? О, нѣтъ!

Голосъ его былъ твердъ и спокоенъ.

Лейтенантъ понялъ. Онъ молилъ, заклиналъ Крацера, то со стопами

Въ «Карматахъ».

— «Я—ВИЛЬГЕЛЬМЪ!» Жертва войны. Манія величія, распространенная въ Германіи.

угрозъ и проклятій, то со слезами мольбы и униженія. А липкая грязь доходила ему ужъ до шеи. Было трудно шевелить руками и едва-едва подымалась сжатая грудь, чтобы вдохнуть.

Крацеръ сидѣлъ молча и смотрѣлъ на безумные глаза офицера.

Онъ не радовался страданіямъ лейтенанта: какъ грозный и справедливый судья, при совершеніи акта правосудія, онъ былъ совершенно спокоенъ.

Ему даже было жаль чуть-чуть его.

Онъ всталъ и взялъ въ руки винтовку:

— Лейтенантъ... Вы видите еще? Вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать... Поняли?

Потухающее сознаніе лейтенанта прорѣзала яркая мысль только на мгновеніе. Прежде, чѣмъ онъ понялъ, —Крацеръ выстрѣлилъ, а когда дымъ разошелся, на поверхности быстро затягивавшейся зеленой травы неуклюже торчалъ только мѣдный наконечникъ каски.

Черезъ секунду и онъ исчезъ.

Левъ Гумилевскій.

Собака лѣсника.

Посѣрѣла, сгорбилася словно,
Хатка на прогалинкѣ лѣсной.
Вѣдь, давно не вспыхивалъ любовно
Въ ней огонь вечерній и живой...
Вѣтеръ, хлопнувъ крышкой у колодца,
Вдаль бѣжитъ изъ жуткаго кольца.
Лишь лохматая собака съ дрожью жметъ
На ступенькахъ мокраго крыльца...
Смотритъ умнымъ и печальнымъ взглядомъ.
Что-жъ, что шерсть обвисла на бокахъ,
Она хрипло лаетъ вслѣдъ отрядамъ
И не вѣритъ, что съ отцвѣтшимъ садомъ
И ее забыли второпяхъ!..

Сергій Михѣевъ.

СѢРЫЕ ЛЮДИ.

Очеркъ Я. Окунева.

Если бы какой-нибудь художникъ-баталистъ захотѣлъ изобразить современный бой, то онъ едва ли нашелъ бы здѣсь что-либо эстетическое, даже съ точки зрѣнія батальной живописи. Это вовсе не красиво и не грандіозно, а обыденно и сѣро, какъ всякая напряженная работа. Здѣсь нѣтъ большихъ массъ войска, которая сталкивались бы въ рукопашной схваткѣ, а маленькіе отряды забрызганныхъ грязью людей, сѣрыхъ и совсѣмъ обыкновенныхъ, залегли въ окопахъ, наполненныхъ желтой глинистой жижей, и отстрѣливаются, пока не прикажутъ идти впередъ, т. е. вѣрнѣе, ползти по грязи, прячась за каждую кочку или выступъ почвы. Тамъ и сямъ на скучномъ, сѣромъ горизонтѣ вспыхиваютъ дымки орудіейной палубы. Лѣниво ствѣчактъ имъ наши братья, и офицеръ, засѣвшій у ору-

дій за прикрытіемъ, такой же сѣрый, такъ же забрызганный грязью, какъ и его солдаты, принокъ ухомъ къ телефонной трубкѣ и принимаетъ приказанія или передаетъ ихъ. И тутъ тоже, у насъ, сидитъ на корточкахъ нашъ поручикъ С., втянулъ голову въ плечи, потому что зябко; щеголеватый, любившій пофрантить до войны, онъ теперь обросъ клочковатой, грязнаго цвѣта бородой, которая сбилась въ войлокъ и торчитъ во всѣ стороны щетинистыми пучками. Еще у Равы онъ бросилъ свои франтовскіе сапоги съ лакированными голенищами, потому что они „ни къ какому чорту не годятся“ и натянулъ сапоги казеннаго образца, съ широкими носками, расхлябанные, но удобные, такъ какъ они не жмутъ и не натираютъ мозолей въ походѣ. Позади насъ густо чмокаетъ грязь

и обдастъ наши спины желтымъ мѣсивомъ. Это падаетъ шрапнель и разбрасываетъ во всѣ стороны липкіе комья земли. Небо сѣро, сѣры люди, и все окутано пеленою сѣраго густого тумана. И работа, которую мы дѣлаемъ въ липкомъ туманѣ, тоже сѣрая.

Мы пробиваемся впередъ такъ называемой перекидной сапой. Это для того, чтобы приблизиться безъ большихъ потерь къ неприятельскимъ окопамъ которые такъ хорошо укрѣплены, что взять ихъ атаккой не представляется никакой возможности, и приходится примѣнять пріемъ, употребляемый обыкновенно для приближенія къ крѣпости.

Мы роемся въ мокрой землѣ, какъ кроты, прорываемъ насыпь и перекидываемъ землю черезъ передній валъ и въ стороны. Лопата легко входитъ въ землю, но ее засасываетъ и вытащить ее очень трудно. Отъ напряженія потъ съ насъ катится градомъ, но вытирать его некогда, и онъ растекается грязными ручьями по лицу.

Это трудная, кропотливая работа, но мы приспособились къ ней, какъ и ко всей трудовой обстановкѣ войны, и я, и бывший агрономъ, а теперь рядовой такой-то роты Струтинскій, и золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Свири солдатъ Исаакъ Кроль,—всѣ сдѣлались землекопами, хотя никто изъ насъ ни разу, кажется, въ жизни не держалъ въ рукахъ лопаты.

Это — не изнанка, а лицевая сторона войны. Тускляя рабочія будни боевой жизни не блещутъ красками и трагическими коллизіями. Военная техника создала грозныя, могучія орудія истребленія, но она не побѣдила человѣка, а заставила его искать средствъ приспособленія, и современная война представляетъ собою въ большей степени упорный трудъ, чѣмъ состязаніе лицомъ къ лицу съ противникомъ, потому что вся энергія уходитъ на то, чтобы парализовать, или, по крайней мѣрѣ, ослабить убійственное дѣйствіе неприятельской артиллеріи, скорострѣльныхъ и дальнобойныхъ орудій, бронированныхъ автомобилей съ пушками, пулеметовъ и чудовищныхъ снарядовъ.

Мы все время приспособлялись, все время условія боевой и походной жизни способствовали незамѣтному, но вѣрному процессу физическаго отбора. Слабые падали отъ усталости и болѣзней, выбывали изъ нашихъ рядовъ, трусливые закалялись, малодушные становились стойкими.

Сначала былъ подъемъ, и казалось, что идти въ бой или атаку не въ состояніи аффекта, значитъ потерпѣть поражение. И пока аффектъ, подъемъ, нервное напряженіе заставляли насъ бросаться въ бой, забывъ о смерти, не замѣчая крови и ранъ и разорванныхъ въ клочья тѣлъ товарищей, не было ни слабыхъ, ни сильныхъ. Нервный подъемъ крѣпилъ физическія силы, „на людяхъ“ смерть не была страшна.

Но аффектъ не можетъ длиться въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ при всякихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Напряженіе смѣнилось равнодушіемъ, потрясающее стало обыденнымъ, чувство больше не реагировало на ужасы боя, и сдѣлалось „все равно“. Выработалась привычка къ смерти. Инстинктъ самосохраненія, такой естественный въ живомъ существѣ и такой важный на войнѣ, когда человѣкъ играетъ огромную роль, какъ живая мате-

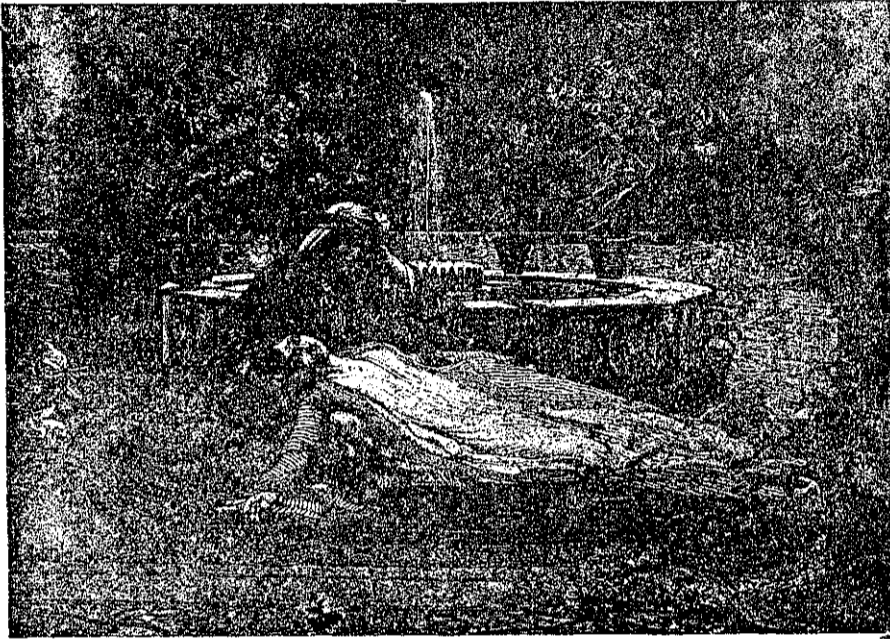
Военное судно въ южномъ морѣ. Развлеченія молодыхъ офицеровъ.
Ловля морскихъ птицъ арканами.

ріальная сила, почти парализовался.

И казалось, что разъ такъ, разъ люди утратили способность реагировать на окружающее ихъ, то они, какъ боевой матеріалъ, больше не пригодны: это изношенные части боевого механизма. Но именно тогда тѣ, которымъ было «все равно», оказались наиболѣе боеспособными. Бывшій агрономъ Струтинскій, человѣкъ съ удивительно нелѣпыми движеніями, у котораго все тѣло, кажется, на винтикахъ и шарнирахъ, одинъ изъ этихъ равнодушныхъ. Онъ не боится ничего. Подъ градомъ пуль онъ спокойно, «не

кланяясь», идетъ въ атаку, а сейчасъ, когда позади насъ, впереди, со всѣхъ сторонъ летятъ и рвутся снаряды шрапнели, онъ съ изумительной аккуратностью и методичностью роетъ землю. Вытащитъ лопату съ комомъ земли, этакъ въ пудъ вѣсомъ, уложитъ его, да еще подравняетъ лопатой, чтобы прочнѣе лежалъ земляной бугорокъ.

Слабыхъ больше нѣтъ, они въ тылу, въ лазаретахъ. Естественный подборъ войны отмель ихъ прочь, какъ непригодный для войны матеріалъ. Остались такіе, которые могутъ мерзнуть и мокнуть, голо-

На Востокъ. Оставленныя жены

дать и терпѣть всякія лишения, и все имъ, какъ съ гуся вода.

Прокопали внутренній скатъ окопа. Отъ набросанной земли образовался новый окопъ впереди насъ. Снова принялись за работу—сверлить новый окопъ, чтобы опять очутиться впереди, ближе къ неприятелю.

Струтинскій попевалъ на руки и принялся за лопату. Маленькій Кроль, который, собственно, былъ барабанщикомъ, усталъ и присѣлъ на корточкахъ, чтобы передохнуть. На лицѣ его было недоумѣніе: развѣ воевать это значитъ ковырять землю? Онъ даже пожалъ плечами.

— Что, братъ, притомился? — спросилъ Ипполитовъ, рыжий солдатъ, которому даже смѣшно показалось, что отъ такой «пустяковой» работы можно устать. — «Эхъ ты, мозглякъ!»

— Ему, Кролю-то нашему, куда сподручнѣе въ барабанъ бить, чѣмъ землю копать, — замѣтилъ Босыхъ.

— И зачѣмъ, братцы мои, такихъ на войну берутъ? Ихъ бы по канцеляріямъ, что ли, разсадить, либо въ кашевары. Пусть ши варятъ.

Кроль молчалъ. Маленькій, шуплый среди этихъ крѣпкихъ орловцевъ и туляковъ, онъ чувствовалъ себя далеко не героемъ. Онъ не могъ такъ приспособиться, какъ Струтинскій, какъ бывший технологъ, а теперь доброволенъ Максютковъ.

Неумолимый законъ боевого «отбора» не коснулся Кроля. вмѣстѣ съ нами онъ терпѣлъ всѣ лишения и оставался цѣль и здоровъ.

...Въ четырехстахъ шагахъ отъ неприятельской позиціи, гдѣ ружейные выстрѣлы были чуть ли не въ упоръ, оборвали сапу. Работа была окончена къ полуночи, но дать роздыхъ людямъ нельзя было, потому что этой же ночью нужно было овладѣть первой линіей ихъ окоповъ, чтобы выпрямить линію нашего фронта и начать общее наступленіе. Намъ приказали выйти изъ-за прикрытія. Разсыпной строй на ограниченномъ пространствѣ, охваченномъ полукольцомъ неприятельскихъ траншей, былъ невозможенъ, и приходилось, безъ перебѣжекъ, идти плечомъ къ плечу. Людямъ осточертѣло ковырнаніе въ землѣ. Когда приказали начать атаку, всѣ обрадовались:

— Разомнемся, ребята! — радостно сказалъ Ипполитовъ.

— Руки совсѣмъ застыли, елки зеленія!

Четыреста шаговъ надо было пройти подъ огненнымъ дождемъ, который и сейчасъ осыпалъ насъ, не оставляя живого мѣста, а люди радовались предстоящей возможности размяться.

Какъ мы ни обтерпѣлись, какъ мы равнодушно ни относимся къ мысли о смерти, но все же есть моменты, когда и такимъ, которымъ «все равно», становится холодно. На такомъ близкомъ разстояніи

отъ неприятеля, какъ четыреста шаговъ, пули уже не свистятъ, не жужжатъ, а трещатъ, какъ хлопучки, но во сто кратъ сильнѣе. Громъ орудій превратился въ сплошную гудящую ревъ: это за нашей спиной продолжается артиллерійская дуэль, за спиной — потому что орудійные снаряды и даже пулеметная дробь не могутъ уже попасть въ насъ и дѣлаютъ перелеты, а наша артиллерія, поддерживая атаку, старается сбить неприятельскія орудія. Въ такомъ грохотѣ, въ такой близости, когда ружейный огонь не только жалитъ, но буквально обжигаетъ, становится жутко даже равнодушнымъ.

Скачекъ, и мы на окопахъ. Изъ траншей торчитъ стальная щетина штыковъ, живая, движущаяся щетина. Выстрѣлы смолкли. Кричатъ люди. Кто то подъ самыми ногами надрывно плачетъ. Это молоденькій австрійскій поручикъ, совсѣмъ мальчикъ, раненый въ шею. Сидитъ, прижавшись въ уголокъ окопа и рыдаетъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Некогда. Нужно спѣшить, нужно бить, иначе самъ будешь убитъ, изувѣченъ. Среди шумовъ и криковъ слышенъ металлическій лязгъ оружія.

Совсѣмъ близко Кроль. Рядомъ. Лицо блѣдно, губы крѣпко сжаты, въ черныхъ, большихъ, какъ сливы, глазахъ страшная мука.

Я. Окуневъ.

СКЛАДЕНЬ.

Какъ странно! Сердце не болитъ.
Оно спокойно биться можетъ!
Заупокойныхъ панихидъ
Его рыданья не тревожатъ.

О братьяхъ, гибнущихъ въ бою,
Печаль томить и нѣжно ранить,
Но радость ясную мою
Ничто, ничто не затуманитъ.

Сквозь тусклый дымъ пороховой,
Черезъ синодикъ смерти черной
Я вижу свѣтъ, я вижу Твой,
Спаситель, стягъ нерукотворный.

Какъ будто радуга встаетъ
И дѣлитъ небо огневое,
И вся земля, воспрянувъ, пьетъ
Дыханье радости живое.

Георгій Ивановъ.

Небывалая пытка.

(Кошмарная быль наших дней).

I.

На пятый день очень большого и упорного сражения поручик Климовъ попалъ въ плѣнъ.

Онъ не спалъ до этого четыре ночи и былъ такъ утомленъ, что не замѣтилъ, какъ въ преслѣдованіи отряда австрійцевъ его разрозненный полузэскадронъ забрался слишкомъ далеко и былъ окруженъ метнувшимся со стороны наперерѣзъ значительнымъ непріятельскимъ отрядомъ.

Въ отчаянной схваткѣ, длившейся болѣе получаса, въ гулъ боя, среди криковъ, проклятій, выстрѣловъ, сабельнаго лязга и стоновъ, онъ и не почувствовалъ, какъ былъ выброшенъ изъ сѣдла, какъ очутился въ глубокой канавѣ и былъ оттуда сейчасъ же извлеченъ непріателемъ.

Онъ оказался въ плѣну.

Четыре здоровенныхъ нѣмца съ дымящимися револьверами въ рукахъ повели его по узенькой тропинкѣ къ виднѣвшейся въ туманѣ деревушкѣ.

Климовъ тяжело дышалъ, вытиралъ ладонями потъ и чувствовалъ то непріятное и обидное, что чувствуютъ всѣ плѣнные насильно и безвыходно.

— Вы, черти, — обратился онъ по-нѣмецки къ своимъ конвоирамъ, когда они миновали одну деревню и направились въ слѣдующую, — долго ли вы будете водить меня? Мнѣ это надоѣло!

Солдаты ничего не отвѣтили.

Ясно было, что въ первой деревушкѣ плѣнника не могли оставить. Слишкомъ ужъ близко шель бой, а деревушка, того и гляди, могла быть занята русскими.

Климовъ понималъ, что идти еще придется далеко, и негодовалъ.

— Это вы нарочно ведете меня такъ далеко, — дразнилъ онъ, немного успокоившись, своихъ конвоировъ, — трусишки несчастные! Лишь бы подальше отъ боя уйти!..

Солдаты молчали. Поневолѣ замолчалъ и Климовъ.

Остановились только послѣ двухъ часовъ ходьбы.

Климовъ совсѣмъ сбился съ ногъ. Измученное до послѣдняго предѣла тѣло требовало отдыха. Думать онъ не былъ въ состояніи ни о чемъ.

Его отвели въ какой-то сарай и заперли.

Климовъ въ изнеможеніи легъ на землю и заснулъ.

II.

Проснулся онъ отъ страннаго шума.

Сотни ногъ топтались вокругъ сарая. Запрягали лошадей въ повозки. Укладывались. Очевидно, готовились къ спѣшному отступленію, вѣрнѣе, бѣгству.

Безпрерывно визжали пули и слышался размѣренный трескъ пульметовъ.

Русскіе, повидимому, настойчиво наступали, вытѣсняя отовсюду австрійцевъ.

«Что будетъ со мною?» — быстро пронеслось въ головѣ Климова.

Инстинктомъ опытнаго, знающаго и любящаго военное дѣло человека, онъ чувалъ, что австрійцы растеряны. Однако, о томъ, чтобы вырваться изъ сарая и бѣжать, не могло быть и мысли.

«Что же будетъ? — думалъ онъ. — Наши приближаются, вѣроятно, не пройдетъ и часа, какъ они будутъ тутъ... Австрійцевъ, разумеется, и слѣдъ простынетъ... Такъ, неужели же вмѣстѣ съ ними придется бѣжать и мнѣ? Или принять безславную смерть здѣсь, въ какомъ-то сараѣ, отъ дурацкой пули?..»

Тяжело было на душѣ у Климова. Онъ метался по сараю, выгляды-

Среди нашихъ друзей японцевъ.

Судьба первого германского военного аэростата, растерзанного германскими же крестьянами.

вая въ щелки, напряженно думалъ, какъ бы найти выходъ, но ничего не могъ придумать.

Шумъ, между тѣмъ, увеличивался. Перестрѣлка приближалась. Несомнѣнно, въ сраженіе втягивался весь, расположенный вокругъ деревни, австрійскій отрядъ.

Вдругъ дверцы сарая распахнулись, и къ Климову бросилось нѣсколько нѣмцевъ.

Схвативъ его за руки, они поволокли его къ стоящей у входа въ сарай повозкѣ и крѣпкими, тонкими бичевками привязали къ лежавшему на днѣ повозки раненому русскому офицеру.

Раненый былъ въ забытіи. Разглядѣть, какъ слѣдуетъ, его лицо Климовъ не успѣлъ, такъ какъ былъ связанъ съ необычайной быстротой.

Дикое обращеніе съ плѣнными

офицерами объяснялось, вѣроятно, тѣмъ, что австрійцы «дорожжили» ими и хотѣли ихъ отправить куда-нибудь «на-показъ». Вѣдь, русскій плѣнный офицеръ для австрійцевъ не такое ужъ обычное явленіе...

Климову, однако, было очень неудобно лежать. Лежалъ онъ на боку, но веревки, въ особенности, когда повозка двинулась по тряской дорогѣ, врѣзались въ тѣло и причиняли невыносимую боль.

Своего товарища по несчастью Климовъ все время не видѣлъ. Плѣнники были привязаны другъ къ другу спинами.

По поводу такого звѣрскаго обращенія Климовъ спросилъ какого-то офицера, встрѣтившагося по дорогѣ:

— Послушайте, и вамъ не стыдно дѣлать такія гнусности?

Но офицеръ пожалъ плечами и отбѣдилъ:

— Какъ же васъ не вязать? Мы хоть и отступаемъ, но имѣемъ нѣкоторыя основанія скрывать отъ васъ многое. Такъ покойнѣе...

Ш.

Повозка тряслась все шибче и шибче. Позади тащились такія же повозки, нагруженныя всякими приладами и скарбомъ.

Возницъ было очень мало. Измученныя лошади сами покорно плелись другъ за дружкой.

Нѣсколько разъ Климовъ пытался освободиться отъ веревокъ, но онъ только обливался потомъ, оставаясь въ прежнемъ положеніи. Раненый продолжалъ лежать безъ памяти. Климову было жутко чувствовать тяжелое больное дыханіе его тѣла. Несомнѣнно, его товарищъ по пыткамъ былъ раненъ тяжело, помощь ему была необходима, нужно было прежде всего привести его въ сознаніе, но какъ это было сдѣлать?

Никогда еще Климовъ не испытывалъ такого ужаса.

На какомъ-то ухабѣ повозка сильно накренилась, и на сторону Климова хлынула изъ-подъ раненаго струя теплой крови. Очевидно, на невидимой ему другой половинѣ повозки крови была уже цѣлая лужа...

Что было дѣлать?

Бѣгство обоза начинало походить на паническое. Повозки то и дѣло обгоняли другъ дружку. Лица немногихъ возницъ были перекошены отъ страха. Многія повозки, никакъ не управляемыя, опрокинулись на ухабахъ, сваливались въ канаву и оставались лежать...

Климова все сильнѣе и сильнѣе охватывалъ ужасъ. Вздрагивающее тѣло раненаго, къ которому онъ былъ привязанъ, давило его, веревки причиняли нестерпимую боль. Климовъ пробовалъ кричать, но крикъ замиралъ въ грохотѣ и шумѣ и казался пискомъ млявца.

Въ довершеніе же всего начинало темнѣть. Климовъ потерялъ сознаніе.

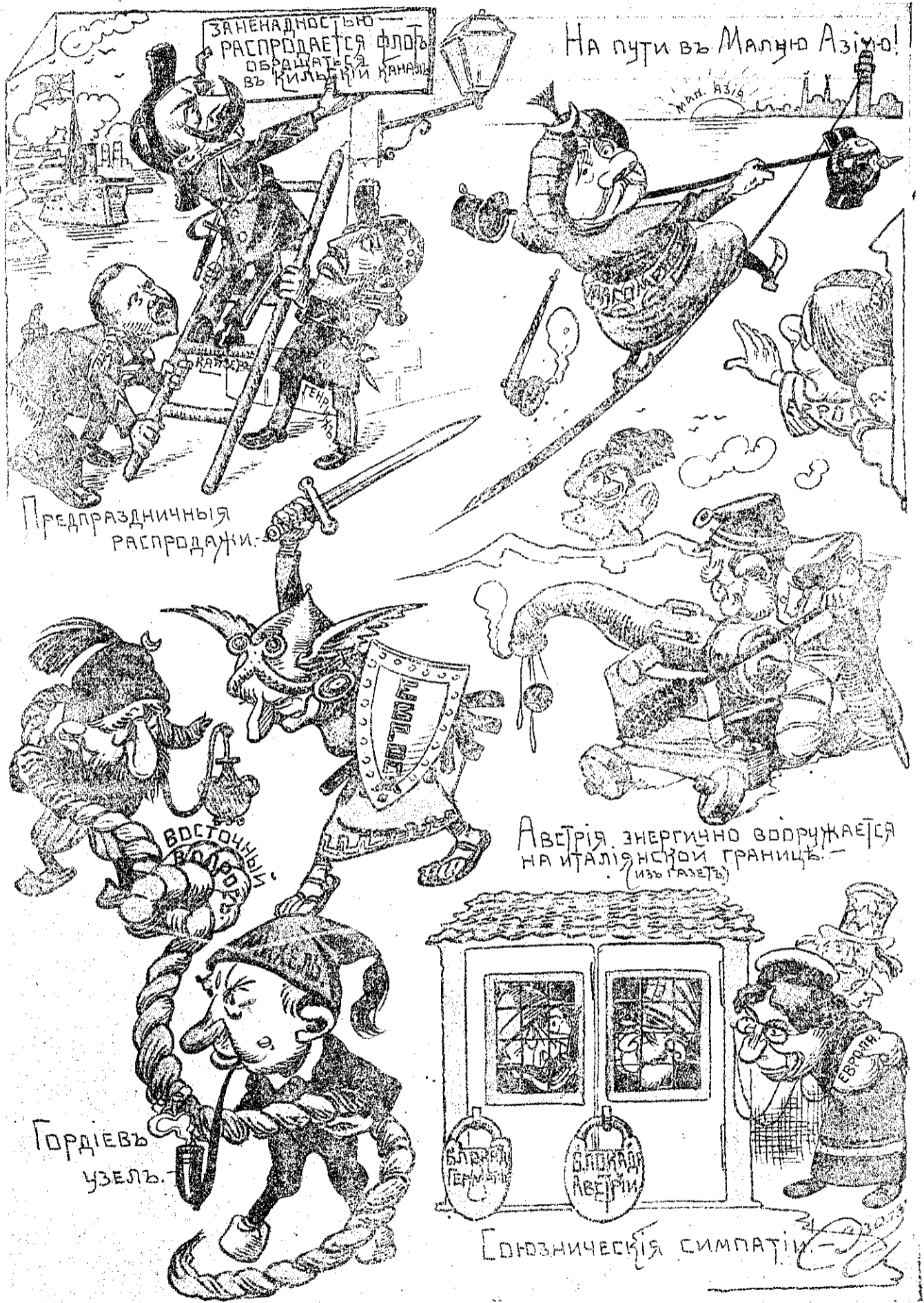
IV.

Онъ очнулся въ той же повозкѣ и въ томъ же связанномъ положеніи. Вокругъ было темно. Повозка была оставлена въ полѣ.

Слышно было, какъ лошадь переминалась на рыхлой, вязкой землѣ и жалобно ржала.

Ал. Королевъ.

Веселая панорама мировой войны.

Занемалою надеждою
распродается флот
обращайтесь
в Кильский канал

На пути в Малую Азию!

Предпраздничная
распродажа

Восточный
фронт

Австрия энергично вооружается
на итальянской границе
(из газет)

Гордиев
узел

Лоузническия симпатии

Смерть короля Мюрата.

Подробности драматической смерти знаменитого маршала Наполеона, потомъ короля неаполитанскаго Мюрата, настолько потрясающа, что едва ли она не ужаснѣ смерти самого Наполеона.

Въ 1815 году онъ потерялъ престолъ и укрылся въ Провансъ, а отсюда на Корсику, гдѣ чувствовалъ себя безопасно.

Однако, идея снова завладѣть трономъ не покидала его даже въ изгнаніи.

15 сентября онъ получилъ отъ своихъ прежнихъ подданныхъ утѣшительныя вѣсти, пробудившія его надежды съ новой силой.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти клятвы въ ненарушимой вѣрности и приглашенія на Неаполитанскій престолъ исходили отъ полицейскихъ властей короля Фердинанда Бурбона; онъ опасался Мюрата и хотѣлъ вызвать его на поступки, которые дали бы право подвергнуть его военному суду и спровести на законномъ основаніи на тотъ свѣтъ.

Разсчетъ, достойный Макіавелли, оправдался вполне.

Хотя Меттернихъ предлагалъ Мюрату вѣрное и безопасное убѣжище въ австрійскихъ владѣніяхъ, но доверчивый и склонный къ иллюзіямъ экс-король повѣрилъ въ возможность снова завладѣть неаполитанской короной и, отвергнувъ австрійскія предложенія, рѣшилъ рискнуть.

Весь отрядъ состоялъ изъ 200 или 250 человекъ, между коими было нѣсколько лицъ, дѣйствительно преданныхъ Мюрату, но гораздо больше всякаго сброду и даже агентовъ бурбонской полиціи.

Барбара постарался устроить такъ, что фелука, на которой ѣхалъ Мюратъ, отдѣлилась отъ остальной флотиліи. Темной ночью съ 6 на 7 октября онъ, якобы въ виду предосторожности, велѣлъ потушить всѣ огни, а къ утру судно Мюрата оказалось въ одиночествѣ. Къ вечеру оно столкнулось случайно съ другимъ суденышкомъ, а всѣ остальные исчезли безслѣдно. Подойдя близко къ неаполитанскому берегу, Мюратъ выслалъ для рекогносцировки Барбару, Оттавіани и двухъ матросовъ. Одинъ матросъ и Оттавіани, искренно преданный своему вождю, были задержаны властями, но арестовать Барбару было вовсе не въ видахъ

бурбонской полиціи. Вернувшись на фелуку, онъ энергично воспротивился намѣренію Мюрата отыскать исчезнувшія суда. На слѣдующее утро дезертировалъ капитанъ Курранъ, командовавшій послѣднимъ судномъ, оставшимся при Мюратѣ, такъ, что у него осталось всего двадцать шесть спутниковъ. При такихъ силахъ всякая попытка была бы явнымъ безуміемъ, и Мюратъ приказалъ Барбарѣ направляться въ Триестъ, гдѣ его ожидало австрійское гостепріимство. Однако, негодяй нашелъ средства уклониться отъ исполненія этого распоряженія: онъ увѣрилъ Мюрата, что все-таки слѣдуетъ высадиться въ Пиццо, гдѣ по его словамъ, у него было много друзей. Дѣйствительно, въ Пиццо были у Барбары друзья, въ томъ числѣ и капитанъ бурбонской жандармеріи, который ожидалъ свергнутаго короля, чтобы схватить его.

8 октября 1815 года въ десятомъ часу утра маленькій отрядъ причалилъ къ Пиццо. День былъ воскресный, и въ Пиццо происходилъ базаръ. Когда на площади показался Мюратъ, и его спутники закричали: «Да здравствуетъ нашъ король Іоакимъ!», то въ толпѣ раздались нѣсколько подобныхъ же возгласовъ; однако, въ общемъ, пріемъ оказался чрезвычайно холоднымъ. Мюратъ увидалъ, что его обманули, что онъ напрасно ожидалъ энтузіазма, и сразу же отказался отъ всякихъ иллюзіи. Попробовалъ онъ еще

Аэропланъ и подводная лодка.

заговорить съ крестьянами, съ гвардейскими канонирами, но и тутъ ничего не добился. Тогда онъ рѣшилъ вернуться назадъ и направился къ берегу. Но вдругъ ему загородили дорогу: наперерѣзъ скакалъ жандармскій капитанъ Трентакапилли съ своимъ отрядомъ, а за нимъ мчалась толпа рыбаковъ и лодочниковъ съ ружьями, дубинами и дрекольями. Мюратъ попробовалъ вступить въ переговоры, но скоро его окружила густая толпа и на несчастный отрядъ посыпались пули. Пришлось безпрекословно отдаться въ руки враговъ.

Тогда произошла сцена, возмутительная и отталкивающая по своей жестокости. Разъяренная чернь, среди которой было не мало женщинъ, съ криками набросилась на горсть спутниковъ Мюрата, которые даже не пытались уже защищаться и протягивали свои шпаги въ знакъ полной капитуляціи. Трудно понять, какъ самъ Мюратъ не погибъ въ этой ужасной свалкѣ. Первый ударъ бывшему королю былъ нанесенъ однимъ озвѣрѣлымъ рыбакомъ, который, за неимѣніемъ подходящаго оружія, швырнулъ ему въ лицо башмакомъ. И вслѣдъ за тѣмъ каждый старался лягнуть обезсилившаго льва: кто билъ его палкой, кто прикладомъ ружья, кто прямо ногами или кулаками. На немъ разорвали всю одежду, драли за волосы, выщипывали усы, царапали лицо. Женщины, какъ настоящія фурии, изощрались въ жестокостяхъ, состязались съ мужчинами. Рассказываютъ, что одна мегера, мать разбойниковъ, приговаривала, нанося удары:

— Ты говоришь о свободѣ, а у меня убилъ трехъ сыновей!

Неустрасимый воинъ, который не разъ рисковалъ своей жизнью на поляхъ битвъ, чувствовалъ, что мужество покидаетъ его: онъ ужаснулся передъ отвратительной смертью, которая грозилъ ему среди разъяренной толпы, и съ горечью закричалъ своимъ убійцамъ:

— Довольно же! Довольно! Я вашъ плѣнникъ. Не убивайте меня. Вѣдь вамъ лучше заплатятъ, если вы доставите меня своему королю не мертвымъ, а живымъ!

— Смерть тебѣ, тиранъ!—ревѣла толпа.

Почти навѣрное несчастный погибъ бы, разорванный на части этими безжалостными палачами, если бы не вмѣшался въ возмутительное дѣло одинъ испанецъ. Франческо Алкала. Онъ самъ прибѣжалъ тоже для того, чтобы напасть на Мюрата,

но его благородная душа возмутилась при видѣ униженій и оскорбленій, которымъ подвергался безоружный врагъ. Върванный у разъяренной толпы, Мюратъ съ своими друзьями былъ посаженъ въ старую цитадель, давно уже обращенную въ свиной хлѣвъ. Въ конуру съ прогнившими и заплѣсневѣвшими стѣнами, съ поломъ, покрытымъ навозомъ, втиснули двадцать пять плѣнныхъ, изъ коихъ многіе были ранены. Къ счастью, испанецъ Алкала не оставилъ ихъ своими заботами, хотя самъ имѣлъ причины жаловаться на французское господство въ Неаполѣ. Министры короля Фердинанда приказали генералу Нунціанте отправиться въ Пиццо и принять плѣнныхъ подъ свой надзоръ, пока не придутъ новыя распоряженія. Нунціанте отнесся къ Мюрату весьма гуманно. Онъ немедленно велѣлъ перевести его въ лучшее помѣщеніе и большую часть свободнаго времени проводилъ съ узниками, — словомъ, былъ великодушенъ насколько могъ. Вотъ какъ описываетъ Сассане первую встрѣчу Нунціанте съ Мюратомъ. «Мюратъ былъ приведенъ къ генералу и главному прокурору, которые сидѣли за столомъ. Онъ же долженъ былъ стоять, и краска смущенія заливала его лицо. Неаполитанскія власти хотѣли произвести форменный допросъ, но Мюратъ отказался отъ этой процедуры.

— Не согласно съ моимъ достоинствомъ,—заявилъ онъ,—подвергаться допросу. Скажите мнѣ, что вамъ угодно знать, и я отвѣчу письменно.

Тѣмъ временемъ министры Фердинанда сдѣлали постановленіе, въ силу котораго Мюратъ предавался военному суду, какъ врагъ общественной безопасности. Приговоръ предписывалось исполнить въ теченіе четверти часа. Видимо, хотѣли поскорѣе отдѣлаться отъ опаснаго соперника!

— Я погибъ!—воскликнулъ Мюратъ, узнавъ объ этомъ предписаніи. — Это приговоръ къ смертной казни!

На одинъ моментъ имъ овладѣло отчаяніе, но скоро онъ снова поборолъ свое волненіе и былъ опять безстрашнымъ солдатомъ былыхъ временъ. Когда его пригласили въ судъ, онъ отказался идти.

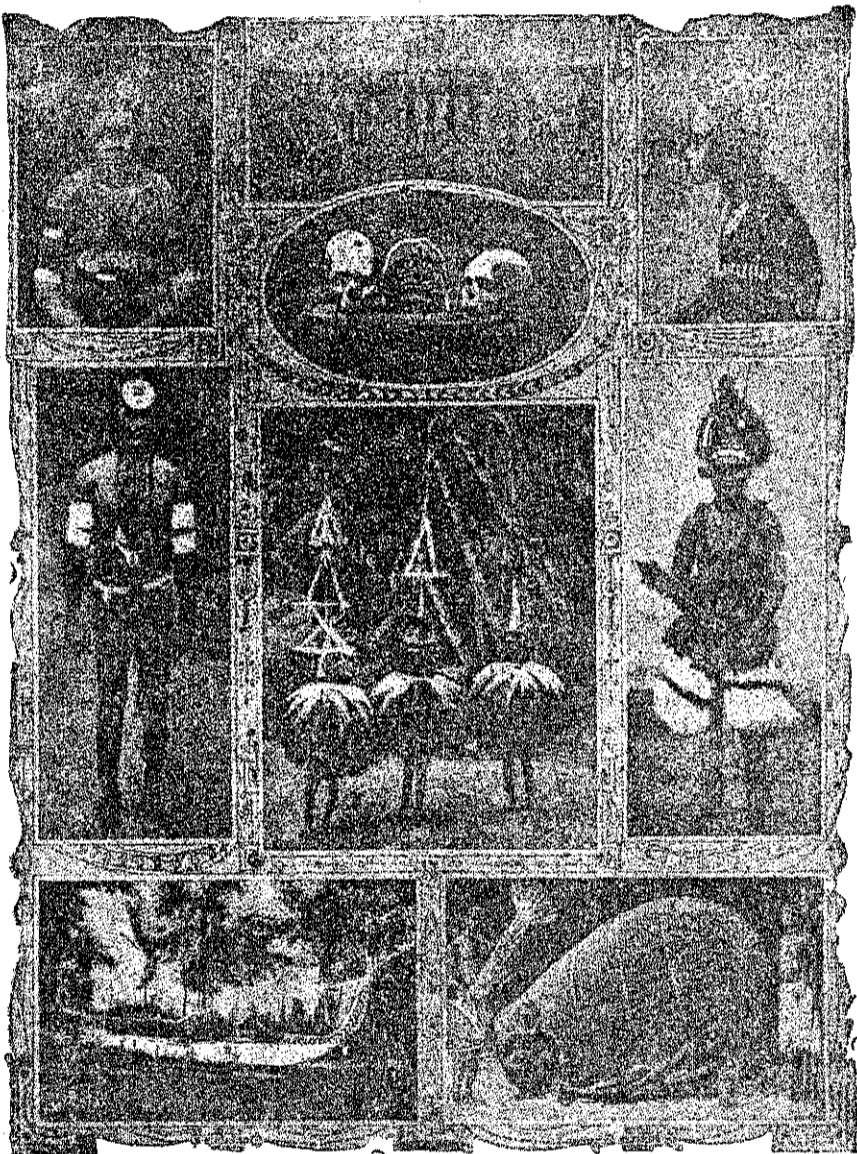
Въ три часа пополудни Мюрату былъ прочитанъ смертный приговоръ. Онъ выслушалъ его вполне спокойно, затѣмъ написалъ письмо женѣ, исповѣдался и причастился.

Вслѣдъ за тѣмъ его повели на мѣсто казни. На эспланадѣ его ожидали двѣнадцать солдатъ съ заряженными ружьями. Онъ спросилъ, гдѣ ему стоять. Ему указали мѣсто въ концѣ эспланады, слегка подымавшееся надъ остальной площадкой. Тамъ поставили кресло, но Мюратъ отка-

онъ, выпрямившись во весь ростъ, съ улыбкой на устахъ, сказалъ:

— Солдаты! Исполняйте вашъ долгъ. Стрѣляйте прямо въ сердце, но пощадите лицо!

Онъ самъ скомандовалъ: «пли!» Одинъ моментъ казалось, что его даже не ранили, но потомъ онъ вдругъ

Война въ Африкѣ. Африканскіе типы и сцены.

заялъ сѣсть; точно также не захотѣлъ онъ, чтобы ему завязывали глаза, не согласился даже повернуться спиной къ солдатамъ. Эспланада была такъ мала, что солдатъ пришлось разставить въ три ряда, по четыре въ рядѣ. Ружья почти упирались въ грудь приговореннаго. А

сразу упалъ на землю, какъ дубъ, подрубленный топоромъ дровосѣка. Генералъ Нунціанте убѣжалъ отъ этой потрясающей сцены. Шестъ пуль пронзили грудь Мюрата, а седьмая обезобразила лицо, которому онъ просилъ у солдатъ пощады.

КУМИРЫ ГЕРМАНИИ.

Въ Германіи, какъ уже не разъ сообщалось въ печати нашихъ союзниковъ, существуетъ особый культъ Гинденбурга. За неимѣніемъ настоящихъ героевъ войны, таковые изобрѣтаются, и слава о нихъ разносится по всему фатерланду. Слава и популярность фельдмаршала Гинденбурга затмила самого кайзера и кронпринца: въ сентябрѣ въ Берлинѣ открытъ новый «мостъ Гинденбурга»; въ Позенѣ открытъ «музей Гинденбурга»; по всей Германіи продаются библии съ портретомъ Гинденбурга на обложкѣ; появились сигары «Гинденбургъ», — словомъ, всѣ обычные и «остроумные» приемы нѣмецкой рекламы на лицо. Интересно, поэтому, будетъ узнать, что нынѣшній кумиръ Германіи еще очень недавно, когда нѣмцы брали уже Льежъ и Намюръ, жилъ въ полной неизвѣстности, забытый всѣми, въ Ганноверѣ, и короталъ длинные вечера въ одномъ изъ мѣстныхъ кафе за чтеніемъ газетъ и журналовъ. Кафе это, кстати сказать, не преминули, конечно, теперь окрестить въ «кафе Гинденбургъ». О причинѣ опалы Гинденбурга извѣстно слѣдующее: много лѣтъ назадъ въ Восточной Пруссіи происходили большія маневры. Одной изъ армій командовалъ Гинденбургъ, а другой самъ кайзеръ. Какъ полагалось, въ такихъ случаяхъ, армія кайзера «разбила на голову» неприятеля, и кайзеръ Вильгельмъ, призвавъ вечеромъ Гинденбурга, спросилъ его о впечатлѣніяхъ дня. Гинденбургъ, всегда слышій за чудака, отвѣтилъ: «Все это очень хорошо, ваше величество, потому что это не серьезная битва, но если бы наши арміи дѣйствительно сражались, гибель вашихъ людей была бы неизбѣжна, вслѣдствіе нѣсколькихъ крупныхъ вашихъ промаховъ въ командованіи: часть вашей арміи была бы мной окружена, а остальные — сброшены въ Балтійское море». Вильгельмъ затаилъ обиду на эту излишнюю откровенность генерала. Черезъ нѣкоторое время ему приказано было подать въ отставку, и онъ переселился въ Ганноверъ. Послѣ объявленія войны, опальный генералъ обратился въ военное министерство, прося о назначеніи въ армію. Ему отказали. Въ это время произошла знаменитая битва на Марнѣ, и одновременно — угрожающее нашествіе

русскихъ войскъ въ Восточн. Пруссію. Понадобились экстренныя мѣры, призваны были всѣ, когда-либо служившіе генералы, и Гинденбургъ былъ посланъ въ восточную армію. Съ тѣхъ поръ имя его начинается окутываться народной легендой. Нужно признать, что фельдмаршалъ самъ большой любитель популярности и дѣлаетъ все возможное, чтобы стать народнымъ героемъ: при немъ состоитъ специальный художникъ Гершъ, который зарисовываетъ всѣ выдающіеся моменты боевого дня фельдмаршала. Когда Гинденбургъ въ июль долженъ былъ вступить въ Варшаву, онъ отправилъ пресловутому Свенъ Гедину телеграфное приглашеніе: «Сидѣшите ко мнѣ, если хотите присутствовать при этомъ историческомъ событіи». Гинденбургъ вообще живетъ въ большой дружбѣ съ журналистами, которые въ своемъ рвеніи угодить герою часто ставятъ его въ комическія положенія: такъ, напримѣръ, почти одновременно въ двухъ разныхъ газетахъ Берлина появляются описанія героя, противорѣчащія другъ другу: «Гинденбургъ, несмотря на свои 70 лѣтъ, пишетъ одна газета, обладаетъ желѣзнымъ здоровьемъ. Живетъ онъ по-спартански. Меню обѣда всегда самое простое: овощи, кусочекъ мяса, простая вода...» А другой въ то же время сообщаетъ: «Гинденбургъ во всемъ опережаетъ всѣхъ другихъ

Скачекъ англійскаго кавалериста.

смертныхъ, никто изъ молодыхъ адъютантовъ не можетъ выпить такого количества шампанскаго, и такъ цѣнить тонкости гастрономіи, какъ фельдмаршалъ, который проводитъ всегда не менѣе трехъ часовъ за обѣденнымъ столомъ». Гинденбургъ считаетъ себя замѣчательнымъ юмористомъ, хотя юморъ его чисто нѣмецкаго тяжеловѣснаго свойства. Когда русскіе отступали изъ Пруссіи, въ Инстербургѣ оказались громадныя запасы хлѣба, которые нельзя было забрать съ собою. Былъ данъ приказъ облить хлѣбъ керосиномъ. Гинденбургъ, узнавъ объ этомъ, заявилъ: «О вкусѣ не спорять. Разъ русскіе любятъ хлѣбъ съ керосиномъ, мы будемъ кормить ихъ члѣнныхъ этимъ хлѣбомъ впредь до истеченія этихъ запасовъ». Было бы совершенно бесполезно доказывать грубому тевтону все варварство этого нѣмецкаго остроумія. Таковъ кумиръ современной Германіи.

О другомъ кумирѣ, но уже меньшаго калибра, знаменитомъ генералѣ фонъ-Клукѣ, разсказывается тоже очень много въ англійской печати. Клукъ побѣдоносно шель прямо на Парижъ, не подозрѣвая замысловъ Жоффра. 6 сентября, т. е. наканунѣ Марнскаго разгрома, нѣмцы заняли Куломье. Клукъ торжественно въѣхалъ въ городъ, занявъ лучшей особнякъ и велѣлъ приготовить себѣ роскошный обѣдъ, приказавъ: «побольше шампанскаго». Послѣ вкуснаго обѣда, Клукъ призвалъ свой оркестръ, который всегда его сопровождаетъ, и пожелалъ слушать исключительно французскую музыку: «Кармень» и «Маскотту». Генералъ пришелъ въ хорошее расположеніе духа, выразилъ удивленіе, что улицы крутомъ пусты, и что толпа не собралась послушать его оркестръ, и велѣлъ призвать хозяйку дома. Появилась пожилая, почтенная француженка. «Не бойтесь, мадамъ», милостиво сказалъ его превосходительство, «гдѣ вашъ мужъ и дѣти?» Дама пояснила, что мужъ ея убитъ на войнѣ, и что три сына ея въ арміи. «А, отлично, они будутъ нѣмцами такъ же, какъ и вы. Поль-Франція будетъ послѣ войны Германіей, и увѣряю васъ, что это лучшее, что могло съ вами случиться. Вы, французы, обладаете нѣкоторыми показными достоинствами, и вамъ нужно будетъ только пройти курсъ нашей дисциплины и культуры, которыхъ вамъ недостаетъ. Ваша армія уже разбита, и черезъ нѣсколькихъ дней мы будемъ въ Парижѣ».

Изъ прошлаго американскихъ войнъ. Скальпированіе врага.

Такъ издѣвался грубый тевтонъ надъ несчастной беззащитной женщиной въ то время, какъ Жоффри

уже началъ на другомъ флангѣ разгромъ ненавистныхъ иѣмцевъ. Такъ вы генералы — кумиры Германіи.

ТЕХНИЧЕСКАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ.

Европейская война требуетъ невиданнаго до сихъ поръ напряженія силъ отъ воюющихъ державъ. Техническая сторона войны особенно сложна въ Англии, работающей, какъ извѣстно, благодаря великолѣпнымъ своимъ заводамъ, не только на себя, но и на союзниковъ: Францію, Россію и Италію. Въ Англии функционируетъ особый «департаментъ изобрѣтеній», во главѣ котораго стоитъ лордъ Фишеръ. Всякій имѣющій предложить что-либо полезное для арміи и флота, какое-нибудь новое изобрѣтеніе, долженъ немедленно обращаться въ этотъ департаментъ. Въ распоряженіи лорда Фишера громадный штатъ инженеровъ и изобрѣтателей, обязанность которыхъ заключается въ разработкѣ всѣхъ пла-

новъ и проектовъ, присылаемыхъ изъ арміи во Фландріи, которая на дѣлѣ убѣждается въ непрактичности многихъ существовавшихъ до сихъ поръ изобрѣтеній военного искусства. Сейчасъ образовано особое совѣщаніе по примѣненію удушливыхъ и взрывчатыхъ газовъ.

Война каждый день рождаетъ новые методы нападенія и защиты. За время войны появилось уже очень много новыхъ изобрѣтеній: появились новые непробиваемые панцири для груди и головы, стоящіе въ Лондонѣ не выше 30—40 р. Многие усовершенствованы въ области полевого телеграфа, этого главнаго нерва современной войны. Появились гиган-

ты-тракторы, роющие траншеи вместо людского кропотливого труда. Совершенно забракованы старые модели носилок, — они оказались слишком трюмскими для траншейной войны. Английский офицер изобрел новый тип легких, узких носилок, удобно лагирующих по извилинам траншей. Один офицер, тоже англичанин, изобрел летучую кухню-автомобиль: обдв готовится на ходу, автомобиль несется по каким угодно трудным дорогам, что, конечно, недопустимо поезда; останавливается, кормит здоровых и раненых, все чисто, освещено электричеством, имеются специальные приборы для дистилляции воды, которая потом раздается солдатам на позициях. Эти кухни-автомобили изобретены и построены англичанами на заводах в Шеффилд. Но предмет особой гордости англичан — это установка для помощи раненым. Их автомобили-госпитали, действительно, чудо техники. В октябре прошлого года Англия имела всего 126 таких летучих госпиталей. Но тут пришли на помощь колонии: Канада, Австралия и Новая Зеландия, и теперь их уже больше тысячи. Магараджа Гвальский преподнес королю Георгу 40 автомобилей-госпиталей, — дарь этот оценится не менее трехсот тысяч рублей. Роль этих подвижных госпиталей громадна: они спасают жизнь десяткам тысяч людей, которые в прежние времена, при медленной перевозке на лошадях, умирали до доставления в лазареты. Во всех войнах болельщики уносили жизнь большого количества людей, чем пули и снаряды. За 6 месяцев Крымской кампании союзники потеряли 50.000 больными, и только 2.000 убитыми. В русско-турецкую войну 80.000 чел. умерло от болельшей и 20.000 от рань. Во время Трансваальской войны 76% больны были тифом, что и свело в могилу больше людей, чем пули и снаряды. В настоящую войну, благодаря таким чудесам техники, как летучие госпитали-автомобили, смерть от заражения крови доведена до минимума. Эти госпитали имеют центральное отопление, освещаются электричеством, имеют рентгеновские лаборатории. Цель их — немедленная медицинская помощь. Эти автомобили доставляют раненых к поездам или к судам, которые забирают и перевозят их на родину, в Англию.

Историческая справка.

Как известно, сын железного канцлера, князь Герберт Бисмарк, за недопущение в печати третьей части мемуаров своего отца, крайне неприятных Вильгельму II, был произведен из штабс-ротмистров в генераль-майоры. Посредником между сыном железного канцлера и императором служил в то время кн. Генкель-фон-Донерсмарк.

Император неожиданно в 11 час. вечера приехал к князю, который послѣ разрыва Вильгельма II съ Бисмарком не появлялся ко двору, несмотря на приглашение. Вильгельм II буквально умолял князя Генкеля употребить свое влияние на Герберта Бисмарка, дабы мешать публикации окончания мемуаров железного канцлера. Князь Генкель вначале не соглашался, но, в концѣ концов, уступил. На слѣдующий день между Гербертом Бисмарком и императором произошло свидание, причем Бисмарк под честным словом обещал императору, что мемуары его отца будут опубликованы лишь послѣ смерти Вильгельма II.

А жаль. Интересно было бы знать, отчего Вильгельм так боялся мемуаров железного канцлера?

Предсказывавшие зарождеие новых искусств в дыму мирового пожара оказались правы.

В Австрии уже народилось «новое искусство», можно сказать, из новых самое новое:

— Искусство жевания.

По сообщению газет, об «искусстве жевания» читаются теперь в Вѣнѣ публичные лекции. Через некоторое время, вѣроятно, будут устраиваться публичные конкурсы жевания, будет устроен особый «класс жевания» при художественной академии и ряд званий: «свободного жевателя», «профессора жевания», «кандидата жевания» и т. д.

Люди легкомысленные, пожалуй, примут это новое вѣнское «искусство жевания» за один из смѣшных анек-

дотов, которыми так богаты наши трагические дни.

— Шутись, австрияк! — скажет веселый россиянин. — Самым мастерским разжевыванием пищи не предупредишь голода... Садись, мизенький, в лужу, нечего хорохориться!

Но люди, привыкшие смотреть вглубь вещей, отвесут к этому новому австрийскому «искусству жевания» серьезнѣе.

«Искусство жевания» — это и есть то, чего не хватало Австрии.

Двуединая империя Габсбургов — огромное чудовище, прожорливое, но беззубое.

Она глотает, не разжевывая.

Цѣлыя народности и страны проглочены этим жадным чудовищем.

Проглочены, но не разжеваны.

— «Неразжеванная пища», — поучают нынче вѣнские лекторы, — «не впитывается в организм и не только не приносит пользы, но и оказывается вредной для поглотившаго ее организма».

Так и народы, и страны, проглоченные жадной, но беззубой Австро-Венгрией.

Не впитавшиеся в организм лоскутной империи, ничего не воспринявшие от «поглотителя» и ничего ему не давшие, «народы Франца-Иосифа» тяжело комом застряли в горлѣ обжоры.

Будущий историк объяснит гибель Австро-Венгрии просто: подавляла непрожеванной пищей! Хотѣла беззубым ртом проглотить ярко выраженные цѣльные народные организмы и погибла от безсилія и жадности.

Профессоры, читающие теперь в Вѣнѣ лекции об «искусствѣ жевания», взялись за дѣло слишком поздно. Империя, любящая полакомиться маленьким народцем, должна научиться жевать раньше всего. Для того, чтобы разжевать народность, надо имѣть крѣпкіе зубы, сильную душу и высокую культуру.

Этого не могут дать патриоты-лекторы беззубой, малодушной и вороватой Габсбургской империи...

Викт. Юзь.

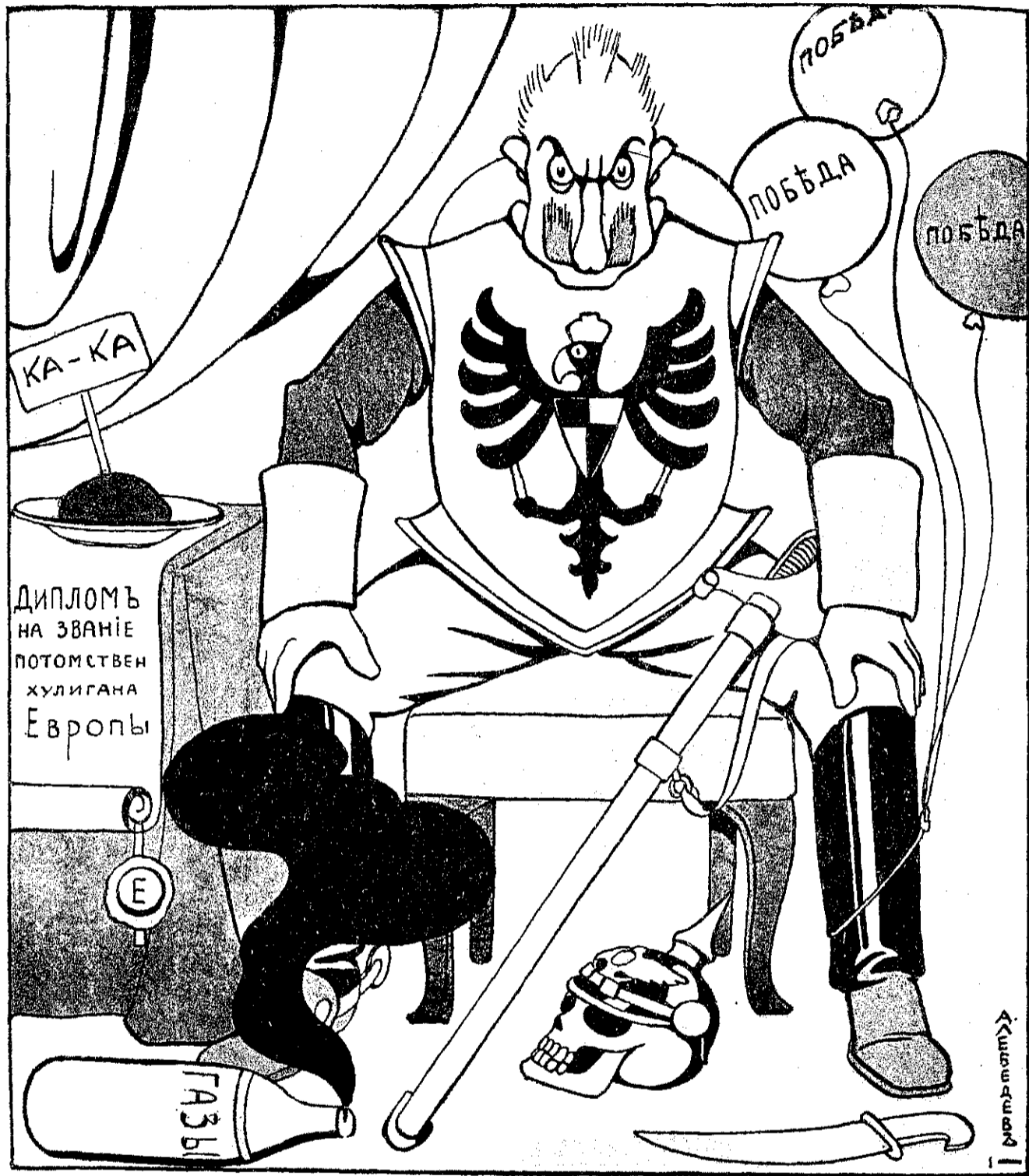
(П. К.).

ВОЙНА ВЪ КАРТИНАХЪ.

Мечъ предковъ. Картина Каульбха.

ГОРЕ-ЗАВОЕВАТЕЛЬ. Вотъ плоды годовой работы! Нѣтъ ни міра... ..ни міра!!

<p>ТОЛЬКО ВЪ</p> <p>„20-мъ ВѢКЪ“</p>	<p>Полный кинематографъ военной жизни, какъ друзей, такъ и враговъ. Военные рассказы, очерки, статьи, картины изъ боевой жизни, корреспонденціи и т. д. Продается вездѣ и на станціяхъ жел. дорогъ. Цѣна 7 коп.</p>
---	---